

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 25–34.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 25–34.

Научная статья
УДК 94(410)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНЩИН КАК МАРГИНАЛИЗИРУЕМОГО СООБЩЕСТВА В АНГЛИИ В XVII В.

Егор Дмитриевич
Марченко

Тверской государственный университет
Тверь, Россия, marchenko.eg.dm@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-7967-3109>

Аннотация. Целью статьи является разработка актуального методологического подхода к анализу статуса женщин в качестве маргинализируемого сообщества в контексте английского общества XVII в. Для достижения заявленной цели необходимо обратиться к задачам исследования. Во-первых, требуется определить дефиницию понятия «маргинализируемое сообщество», оценить его различие с укоренившимся термином «маргинальное сообщество». Во-вторых, следует обосновать статус английских женщин XVII в. в качестве маргинализируемого сообщества. В-третьих, необходимо разработать и применить обновлённый подход к анализу маргинализируемого сообщества в рамках конкретно-исторического исследования. При решении поставленных задач был сделан вывод об укоренённости практик культурного, политического, экономического и социального давления на женщин при помощи реализации символической власти. Несмотря на отсутствие актов прямого воздействия на маргинализируемые сообщества, указанные практики легитимизировали заявленное подавление, придавая последнему статус одобряемой нормы. Маргинализация в качестве социокультурного механизма реализации власти обнаруживается во всём многообразии письменных и изобразительных источников эпохи, включая наиболее распространённые среди интеллектуальных элит – в брошюрах, делопроизводственных документах, личной переписке и пр. Определение указанной практики в качестве предмета исторического исследования, а также формирование методологического подхода по её изучению, позволит обновить взгляд на социокультурный контекст в контексте иных исторических эпох. Помимо этого, представление о маргинализации как о способе политической, социальной и экономической борьбы обладателями символического капитала позволит расширить представление о коммуникации между различными сообществами в плоскости этнической, конфессиональной, статусной и пр. идентификации.

Ключевые слова: раннее новое время, маргинализируемые сообщества, английская революция XVII в., гендерные исследования, символическая власть.

Благодарности: Работа выполнена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Беловой.

Для цитирования: Марченко Е. Д. Методологические основания изучения женщин как маргинализируемого сообщества в Англии в XVII в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 25–34. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34>

Сведения об авторе: Е. Д. Марченко – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, 170100, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Scientific Article
UDC 94(410)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34>

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF WOMEN AS A MARGINALIZED COMMUNITY IN 17TH-CENTURY ENGLAND

Egor D. Marchenko

Tver State University
Tver, Russia, marchenko.eg.dm@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-7967-3109>

Abstract. This article aims to develop a relevant methodological approach for analyzing the status of women as a marginalized community within the context of 17th-century English society. To achieve this stated goal, it is necessary to address the following research objectives: to define the concept of a 'marginalized community' and assess its distinction from the established term 'marginal community'; to substantiate the status of 17th-century English women as a marginalized community; to develop and apply an updated approach to the analysis of a marginalized community within the framework of a specific historical study. In addressing these tasks, the study concludes that practices of cultural, political, economic, and social pressure on women were deeply entrenched, implemented through the exercise of symbolic power. Despite the absence of acts of direct coercion against marginalized communities, these practices legitimized the aforementioned suppression, granting it the status of an approved norm. Marginalization, as a sociocultural mechanism for exercising power, is evident across the full diversity of written and visual sources from the period, including those most prevalent among intellectual elites—such as pamphlets, official documents, personal correspondence, etc. The definition of this practice as a subject of historical research, as well as the formation of a methodological approach to its study, will allow updating the view of the socio-cultural context in the context of other historical eras. In addition, the idea of marginalization as a way of political, social and economic struggle by the owners of symbolic capital will expand the idea of communication between different communities in terms of ethnic, confessional, status, etc. identification.

Keywords: Early Modern Period, marginalized communities, English Revolution of the 17th century, gender studies, symbolic power.

Acknowledgments: The work was carried out under the scientific supervision of A. V. Belova, Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Tver State University.

For citation: Marchenko, ED 2025, 'Methodological Foundations for the Study of Women as a Marginalized Community in 17th-Century England', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 25–34, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34> (in Russ.)

Information about the Author: Egor D. Marchenko – Postgraduate Student of the Department of World History, Tver State University, 33 Zhelyabova Str., Tver, 170100, Russia.

Введение

Маргинализируемое сообщество является категорией исторического исследования, требующей пересмотра в контексте возникновения новых методологических подходов. Существующие определения настоящего термина представлены, в основном, в контексте марксистского анализа, не отвечающего запросам современности. Так, в предметную область гуманитарных исследований, как правило, попадают маргинальные группы. К ним могут относить: а) лиц, находящихся в «кризисном состоянии неуверенности, неопределенности или самоопределения себя в мире» [6, с. 100]; б) социальные группы, находящиеся в пограничном положении по отношению к какой-либо социальной общности, находящиеся в положении меньшинства, находящегося на границе или вне социальной структуры, исповедующие ценности, отличающиеся от общепринятой нормы [3]; в) все, кто воспринимается обществом как нежелательные и дезорганизующие – бродяги, безработные, бездомные, <...>, лица с нереализованными статусными ожиданиями или находящиеся в ситуации «статусного промежутка» и др. социальные аутсайдеры [1, с. 137].

Исходя из приведённых определений, мы можем сделать вывод, что под маргинальными сообществами, как правило, понимаются группы, исключённые из социального порядка, находящиеся вне его или на его границе. Однако на примере изучения английского общества XVII в. следует отметить наличие внутренней иерархии среди всех представленных в нём сообществ. Сама социокультурная среда британских островов предусматривает подавление (в экономической, политической, культурной и пр. сферах) крупных прослоек населения, при этом не ставя под сомнение необходимость их существования в рамках социального порядка. Указанные «угнетённые» группы следует характеризовать в качестве маргинализируемых сообществ. Несмотря на то что попытки интерпретации указанного термина уже присутствуют в новейших социологических и экономических исследованиях [9], целью настоящей работы является характеристика его исторической специфики. Так, под маргинализируемым сообществом в контексте настоящего исследования следует принимать часть общества, подвергающуюся множественной дискриминации на основании личностных характеристик или признаков, таких как пол, гендер, возраст, этническая и расовая принадлежность, религия или убеждения, состояние здоровья, инвалидность, сексуальная ориентация, гендерная идентичность, образование или доход или проживание в различных географических районах.

В любой национальной общности одним из наиболее крупных маргинализируемых сообществ являются женщины. Важно обратить внимание на то, что выделение группы лишь по половой принадлежности определяет чрезвычайную сложность исторического анализа. Так, с одной стороны, невозможно говорить о маргинализируемом сообществе женщин в качестве внутренне непротиворечивой группы – очевидна разница её представительниц в статусной, имущественной, территориальной принадлежности, что, в свою очередь, определяет множественность мировоззрения, самовосприятия и требований внутри предложенной категории. С другой стороны, как мы увидим ниже, всех представительниц указанной группы объединяют практики маргинализации, реализуемые в английском обществе XVII в.

Исторический контекст

Статус маргинализируемого сообщества всегда сопровождается попыткой контроля «инаковости» со стороны мужчин. Несмотря на то что мы не можем говорить о существовании единого регламента поведения женщин в официальных государственных документах, невозможно отрицать его присутствие в памятниках национальной культуры. Так, «нормы» женского поведения могут иллюстрировать «идеалы» занятий и образа жизни. Их разительное отличие от представлений о мужественности прекрасно проиллюстрировано на гравюре «Домохозяйка и охотник»

[4, с. 234]. Так, на заднем плане изображения мы можем обратить внимание на идеалы мужского быта – конная охота с участием прислуги, занятие, представленное в качестве благородной цели обеспечения семейства едой, обличённое в форму досуга знатных семейств. В противовес ему передний план представляет образ стереотипных женских занятий – прядения, ограниченного статичным придомовым пространством.

Как отмечает Ф. Борен, «отказывать женщинам в праве на слово означает считать их низшими существами и, следовательно, присваивать право руководить их внешним видом и воспитывать их» [4, с. 239–240]. Так, система контроля над поведением не ограничивалась подбором стереотипных гендерных занятий. На это указывает памфлетная публицистика эпохи – работа «Мужчина-Женщина» (1620) [11]. Указанное сочинение представляет собой диалог между женщиной и «мужчиной-женщиной», в котором раскрываются пороки попыток отхождения от существующего гендерного регламента. Сюжет ярко иллюстрирует гравюра, представленная на титульном листе текста. На нём изображены две участницы диалога и их противоречие раскрывается наглядно через представление мужского и женского наряда. О широте резонанса, вызванного женским «переодеванием» может также говорить реакция Якова I в 1620 г., призывающего священство к: «яростному осуждению в своих проповедях дерзости наших [английских] женщин [за] ношение ими широкополых шляп, остроконечных дублетов, коротких стрижек и бритъё волос, а также использование некоторыми из них стилетов и кинжалов» [16]. Так, попытка выхода за пределы «допустимого» внешнего вида могла бы означать попытку преодоления гендерных различий, в чём не были заинтересованы как отцы семейств, так и королевская власть.

Интересно, к примеру, пересечение статуса маргинализируемых сообществ в категориях «женщин» и «бедняков». Так, Д. Виллен [18] обращается к материалам переписей городского населения в городах Уорик (от 1587 г.) и Солсбери (от 1640 г.), где соотношение женского и мужского населения в числе малоимущих слоёв составляло две трети. Указанный факт следует связывать, с одной стороны, с участием матерей в производстве на менее оплачиваемых профессиях, таких, как прядение, и, с другой стороны, экономической зависимости семейства от доходов отца. Как следствие, становится очевидным, что утрата мужчины вследствие смерти или миграции приводила к обнищанию всего семейства.

На фоне укоренённости практики маргинализации следует отметить резкий рост политической активности женщин в период английской революции XVII в. Несмотря на фактическое отсутствие внутреннего единства в среде приведённого маргинализируемого сообщества в своём общественном статусе, мы можем говорить о резком росте числа публичных заявлений, выражающихся, по большей части, в формате брошюр и петиций Парламенту. Согласно замечаниям Ж. Броад, указанные заявления носили разный характер: «Несмотря на то что они [женщины] часто представляли петиции по личным мотивам – для защиты своих поместий или преследуемых мужей, – некоторые также были мотивированы к выражению своих политических претензий в качестве социальной группы» [10, с. 77–78]. Действительно, существенная часть источникового материала подтверждает указанный тезис. Об этом говорит, к примеру, петиция Мэри Робинсон в Парламентский комитет по конфискации земель с просьбой смягчения требования о передаче её поместья к государству по причине содержания сына в рамках военной кампании [13]. Аналогичные документы также были посвящены имущественным аспектам содержания жён (вдов) и детей осуждённых преступников. Указанная ситуация прослеживается на базе анонимной петиции с просьбой о сохранении за семейством пятой части закладываемого на продажу имущества преступников [17]. Предложенный к анализу ма-

териал имел прямое отношение к Ортодансу о конфискации имущества известных правонарушителей (1643) [12], в котором приводится перечень лиц, подлежащих конфискации движимого и недвижимого имущества по причине отказа от выплаты сборов, содействии / финансированию / участии в действиях против Парламента, реализации разбойных нападений на сторонников Парламента и пр. Указанная петиция является прошением ряда неназванных жён и детей мужчин, преступивших позиции Ортоданса, с просьбой о защите своих имущественных прав. Интересно, что указанный документ не противоречит предложенному закону, и используемые формулировки не оспаривают статус осуждённых, уступая полемике просьбу об удержании пятой части конфискуемого имущества.

Несмотря на указанную политическую активность, общественная реакция продолжала воспринимать образ женщин в контексте сохраняющейся бинарной иерархической структуры, контролируемой «легитимным сообществом» мужчин. Это в том числе подтверждается на базе визуальных источников политического характера. Так, к примеру, следует обратить внимание на два титульных листа брошюра середины XVII в. На первом изображении [15] представлена, вероятно, супружеская пара. Образ женщины предлагается читателю в качестве выразителя общественного запроса по отношению к юмористически изображённому мужчине – одетому в парадную одежду и любующемуся на своё отражение в зеркале. В диалоговом окне «жена» оглашает: «Отправляйся на войну». Интересно использование указанного изображения в условиях существования большого количества петиций, обращённых со стороны женщин высокого социального статуса к парламенту, что выражает, в том числе, наделением «вины» за участие в военных действиях со стороны мужского населения на их пару. Кроме того, очевидно наличие негативного восприятия женского населения со стороны мужчин, поскольку именно их образу предлагается предусматриваемое «вынуждение» к участию в нежелательном для потенциальных воинов действию. Не меньший интерес представляет титульное изображение памфлета «Женский Парламент» (1646) [14]. Как было указано выше, существенная часть материалов, передаваемых в Парламент со стороны женщин, могла иметь не только практические цели по защите имущественных интересов, но и предложения, предусматривающие глубокие религиозные и социально-политические рассуждения на тему изменения общества. Изображение, в свою очередь, предусматривает саркастический взгляд на указанную проблему. Об этом, в том числе, говорит авторский комментарий к расширенному названию источника: «Жить в большем комфорте, напыщенности, гордости и распутстве: но особенно с тем, чтобы они [женщины] имели господство над своими мужьями». Само описание нивелирует все попытки образованных горожанок и представительниц знатных семейств в участии в политических обсуждениях и сводит их взгляды к стереотипным представлениям, контролируемым мужским населением страны.

Методологическое обоснование

Подход к проблеме анализа маргинализируемых сообществ в контексте английского общества XVII в. нуждается в формировании обновления инструментария исторического анализа. Так, он может быть рассмотрен интуитивно в рамках марксистской методологии, поскольку предусматривает существование двух условно противостоящих друг другу групп – основной части населения, обладающей доступом ко всем общественным благам, и одной исключённой из него части. Это напрямую следует из известной формулировки К. Маркса и Ф. Энгельса: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [5, с. 424]. Интерпретация указанного фрагмента в контексте анализируемой проблемы может быть реализована двумя способами: либо грубым наложением формулировки на две якобы противостоящих друг другу общественные единицы – «общество» и «маргинализируемое

сообщество», либо рассмотрением указанного противостояния в контексте общей борьбы «угнетающих» и «угнетённых» в анализируемой исторической формации.

Оба предложенных способа марксистского взгляда на проблему утрачивают свою жизнеспособность в случае их применения на базе указанного исследования. Во-первых, следует утверждать об отсутствии «фронта противостояния», то есть идеологического и социального объединения среди маргинализируемых сообществ по какому-либо принципу. Во-вторых, состав маргинализируемых сообществ не может быть охарактеризован в качестве единой категории «угнетённых», поскольку каждый из его участников может существовать одновременно на разных уровнях социальной стратификации.

Приведённый марксистский способ интерпретации противоборства сообществ с главенствующими условиями социальной стратификации, однако, позволяет нам перенять принцип оппозиций, лежащих в основе выделения любого маргинализируемого сообщества. Он состоит из трёх звеньев. К ним относится легитимное сообщество – доминирующий принцип связи – маргинализируемое сообщество. На основании его следует отметить, что в рамках указанного исследования мы можем выделить следующие группы: а) мужчины – гендерная принадлежность – женщины.

Важно отметить, что было бы неверным представление о том, что указанные бинарные оппозиции предполагают взаимодействие двух звеньев на базе общественной связи на «равных» условиях. Сама формулировка «маргинализируемого сообщества» предусматривает некоторую ограниченную дееспособность на основании дискриминируемого статуса. Интересно, что аналогичную ситуацию мы можем проследить в прочих вариантах рассмотрения бинарных оппозиций в гуманитарных и социальных науках. Так, этот вопрос актуализирует Дж. Сёрль в своих рассуждениях о деконструкции: «Первое, и самое главное, деконструктивисты чутки к любым традиционным бинарным оппозициям в западной интеллектуальной истории, в частности к таким, как: устное / письменное, мужское / женское, правдивое / вымышленное, буквальное / метафорическое, означаемое / означающее, реальное / представленное. Деконструктивисты утверждают, что в подобных оппозициях первые, или левые, термины наделены более превосходящим статусом, чем правые, что рассматривается как «совокупность, отрицание, манифестация или разрушение первого». Данная иерархическая оппозиция якобы пролегает через самое сердце логоподлинника с его одержимостью рациональностью, логикой и поиском истины» [7]. Сложно утверждать о безусловной верности указанного утверждения в поле логики и философии, однако следует отметить, что использование указанной формулировки в контексте настоящего исследования играет важную роль в понимании сути противоречий между заявленными «бинарными оппозициями». Важно отметить, что маргинализируемое сообщество, выделяемое из основной части населения, всегда включает в себя «изнанку» восприятия населением самого себя. «Левая», или доминирующая, группа имплицитно включает в себе все нормируемые представления о той или иной социальной группе. «Правая», в свою очередь, описывается и воспринимается в контексте «других», то есть отчуждённых от главенствующей группы, в своей жизнедеятельности отличных от конвенциональных представлений об этосе, традиции, поведении.

Следует обратить внимание, что определение маргинализируемого сообщества согласно маркеру «нормируемого поведения» не является строго научным. Приведённое утверждение нельзя принять на веру в связи с тем, что невозможно оценить границы конвенциональных представлений об этосе, традициях и поведении. Однако мы можем утверждать о наличии институтов, общественных групп или конкретных мыслителей, надзирающих за соблюдением «нормированного», присутствие которых подтверждается историческими источниками. Указанное присутствие

конвенциональных представлений в аутентичных текстах подводит нас к необходимости привлечения концепций «власти» М. Фуко и «символической власти» П. Бурдье. Предложенные в контексте анализа бинарных оппозиций «доминирующие принципы связи» имплицитно включают в себя некое представление о «норме» – левом звене, и отхождении от неё – правом звене. Утверждение и поддержание указанной нормы не является привилегией какого-либо конкретного института, несмотря на несомненную поддержку со стороны государства и церкви. Её реализация лежит в самой структуре бинарной оппозиции, предусматривающей иерархический характер связи. Так, любое легитимное сообщество реализует контроль за соблюдением «нормы». Это же подтверждается на базе рассуждений М. Фуко: «Власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [8, с. 193]. Согласно указанному утверждению, контроль за поддержанием существующего общественного уклада или подтверждения за маргинализируемым сообществом дискриминационного статуса, реализуется силами легитимного сообщества и устанавливается в прочих иерархических системах.

Важно отметить, что легитимное сообщество зачастую может восприниматься как данность для представителей конкретной исторической эпохи или исследователя, ориентирующегося на «свойственное» определённым формам организации социального пространства положение общественных групп. Однако мы не можем не указать на то, что предложенная категория населения может утверждать, поддерживать и продолжать существование своего статуса самостоятельно. Конечно, в случае устойчивой социальной стратификации указанный метод неотделим от санкции общественных институтов (так, для присвоения дворянского титула или пострижения в монашество необходима санкция со стороны государства (государя) и церкви соответственно. Однако в случае предложенной связи легитимного и маргинализированного сообществ присвоение высокого статуса может быть реализовано группой самостоятельно – через то, что обозначается П. Бурдье в качестве категории «символического капитала», то есть экономического или культурного ресурса, признанного субъектами в соответствии с утверждаемыми ими категориями восприятия [2]. Подтверждение своего статуса может быть реализовано в том числе через исключение из своего числа неугодных членов, признаваемых дискриминируемыми. Таким образом, возникновение маргинализированных сообществ является лишь следствием развития группового самосознания легитимного сообщества и носит рукотворный характер. Это объясняет внутреннюю разрозненность и частое отсутствие общих черт в самой среде дискриминируемых групп. Помимо предложенного объяснения, это связано с развитием элементов символической власти легитимного сообщества, что приводит к пропорциональному увеличению числа маргинализированных сообществ, не попадающих под какие-либо элементы реализации символической власти.

Заключение

Таким образом, материалы настоящего исследования позволяют говорить об обновлении методологического подхода в контексте изучения маргинализированных сообществ. Его можно свести к следующему порядку исследования. Предварительно необходимо выделить из исторической эпохи «легитимного» и «маргинализированного» сообществ на основании какой-либо группы связей. Как следствие, следует определить ведущее звено искомой «оппозиции». Это предопределяет необходимость анализа нормируемых представлений об обществе, восприятие которых находится в конфликте между двумя типами сообществ. Как следствие, это подводит исследователя к определению «символического капитала» в среде «легитимного» сообщества. Указанный порядок действий предполагает выявление средств и способов реализации «символической власти» в контексте социального взаимодействия и материаль-

ной культуры через дискриминацию маргинализируемого сообщества. Так, при формировании принципа связи, выведенного на основании английского общества XVII в., мужчины – гендерная принадлежность – женщины, статус легитимного сообщества соотносится с первым, левым звеном. Ограничения, производимые по отношению к маргинализируемому сообществу, носят повсеместный характер и реализуются в социальном, имущественном, политическом статусе. Данная практика происходит из устойчивости патриархальных представлений английского общества в этнической, конфессиональной, политической традиции, что формирует символический капитал легитимного сообщества. Практики маргинализации, в свою очередь, получают постоянную поддержку в элементах массовой и интеллектуальной культуры, обосновывая необходимость продолжения ограничений в общественной среде.

Список источников и литературы

1. Бобер Ж. Культурная маргинальность и ее место в развитии культуры // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 136–143.
2. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть : текст лекции // Гуманистический портал : интернет-издание. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/883> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Гурин С. П. Введение // Маргинальная антропология. Саратов, 2000. Электрон. версия изд. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya_ (дата обращения: 07.07.2025). Доступ на сайте ANTHROPOLOGY.RU.
4. Борен Ф. Жить вместе // История женщин на Западе : в 5 т. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / общ. ред. Ж. Диби, М. Перро; ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. СПб.: Алетейя, 2008. С. 230–247.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
6. Сайнаков Н. А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
7. Сёрл Дж. Слово вверх дном / пер. А. Кардаш, А. Чистов // Insolarance Cult : [интернет-проект]. 2019–2025. URL: <https://insolarance.com/the-word-turned-upside-down/> (дата обращения: 22.11.2024).
8. Фуко М. Диспозитив сексуальности // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 175–237.
9. Defining marginalization: An assessment tool for WFTO-Asia / N. Alakhunova, O. Diallo, I. del Campo, W. Tallarico // STUDOCU : educational platform. [S. l.], 2015. URL: <https://www.studocu.com/row/document/debre-markos-university/programming/world-fair-trade-organization/31329319> (date of request: 16.03.2025).
10. Broad J. Liberty and the Right of Resistance: Women's Political Writings of the English Civil War Era // Virtue, Liberty, and Toleration: Political Ideas of European Women, 1400–1800 / J. Broad, K. Green. Melbourne: Springer, 2007. P. 77–94.
11. Haec-Vir: or, The womanish-man: being an answer to a late booke intituled Hic-Mulier. Exprest in a briefe dialogue betweene Haec-Vir the womanish-man, and Hic-mulier the man-woman. London, 1620 // Early English Books Online: digital collection / University of Michigan Library. URL: <https://name.umdl.umich.edu/Boo117.0001.001> (date of request: 20.12.2025).
12. March 1643: An Ordinance for sequestring notorious Delinquents Estates // British History Online : [is a not-for-profit digital library]. URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/acts-ordinances-interregnum/pp106-117> (date of request: 13.06.2025).
13. Petition from Mary Robinson to the Committee for Compounding [a Parliamentary Committee that dealt with confiscated lands], July 1646 (SP 23/184 f.916) // The National Archives. Women and the English Civil Wars. Source 1: wives and mothers. URL: <https://>

- www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-1/ (date of request: 13.12.2024).
14. The Parliament of Women (1646) // The National Archives. Women and the English Civil Wars. Source 7: Women in pictures. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/> (date of request: 13.12.2024).
15. The Resolution of the Women of London to the Parliament (1642) // The National Archives. Women and the English Civil Wars. Source 7: Women in pictures. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/> (date of request: 13.12.2024).
16. To Sir Dudley Carleton [London, January 25, 1620] // The Chamberlain letters: A selection of the letters of John Chamberlain concerning life in England from 1597 to 1626. Philadelphia: The American philosophical society, 1939. P. 285–287.
17. To the supreme authority of this Common-VWealth, the Parliament of England. The humble petition of several of the wives and children of such delinquents, whose estates are propounded to be sold, as the petitioners are informed. [London, 1650] // Early English Books Online : digital collection / University of Michigan Library. URL: <https://name.umdl.umich.edu/A94696.0001.001> (date of request: 21.07.2025).
18. Willen D. Women in the Public Sphere in Early Modern England: The Case of the Urban Working Poor // The Sixteenth Century Journal. 1988. Vol. 19, no. 4. P. 559–575.

References

1. Bober, Zh 2010, ‘Kulturnaya marginalnost i yevo mesto v razvitiu kulturi’ (Cultural marginality and its place in the development of culture), *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* (Pushkin Leningrad State University Journal), no. 4, pp. 136–143. (In Russ.)
2. Bourdieu, P 1989, ‘Sotsialnoye prostranstvo i simvolicheskaya vlast’ (Social Space and Symbolic Power), *Gumanitarniy portal* (Humanities Portal), viewed 1 October 2024, <https://gtmarket.ru/library/articles/883>. (In Russ.)
3. Gurin, SP 2000, ‘Marginalnaya Antropologiya’ (Marginal anthropology), *Antropologiya* (Anthropology), viewed 7 July 2025, <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya>. (In Russ.)
4. Bouren, F 2008, ‘Zhit vmeste’ (Living Together), Paradoxes epochki Vozrozhdeniya i Prosvetshcheniya (Paradoxes of the Renaissance and Enlightenment), *Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t.* (History of Women in the West. In 5 vols.), vol. 3, ed. J Duby, M. Perrault, N. Zemon Davis, A. Farge, St. Petersburg, 2008, pp. 230–247. (In Russ.)
5. Marx K & Engels, F 1955, ‘Manifest kommunisticheskoy partii’ (The Communist Manifesto), Sochineniya (Works), vol. 4, Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literature publ, Moscow, pp. 419–459. (In Russ.)
6. Saynakov, NA 2013, ‘Marginalnost kak ponyatiye. Metodologicheskiye perspektivy v istoricheskem issledovanii’ (Definition of Marginality. Methodological perspectives in historical studies), *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* (Tomsk State University Journal), no. 375. pp. 97–101. (In Russ.)
7. Searle, J 2022, ‘Slovo Vverkh dnom’ (The Word Upside Down), trans. A. Kardash, A. Chistov, *Insolarance*, viewed 22 November 2024, <https://insolarance.com/the-word-turned-upside-down/>. (In Russ.)
8. Foucault, M 1996, ‘Dispozitiv seksualnosti’ (Dispositif of sexuality), *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* (The Will to Truth), trans. S. Tabachnikova, Kastal publ, Moscow, pp. 175–237. (In Russ.)
9. Alakhunova, N, Diallo, O, del Campo, I & Tallarico, W 2015, ‘Defining marginalization: An assessment tool. A product of the partnership between four development professionals at the Elliot School of International Affairs & The Word Fair Trade Organization-Asia’, *The George Washington University*, viewed 16 March 2025, <https://www.studocu.com/row/document/debre-markos-university/programming/world-fair-trade-organization/31329319>

10. Broad, J 2007, 'Liberty and the Right of Resistance: Women's Political Writings of the English Civil War Era', *Virtue, Liberty, and Toleration: Political Ideas of European Women, 1400–1800*, Melbourne, pp. 77–94.
11. 'Hæc-vir: or, The womanish-man: being an answer to a late booke intituled Hic-mulier. Express in a briefe dialogue betweene Hæc-vir the womanish-man, and Hic-mulier the man-woman', *Early English Literature*, viewed 27 July 2025, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A01086.0001.001?view=toc>.
12. 'March 1643: An Ordinance for sequestring notorious Delinquents Estates', *British History Online*, viewed 13 June 2025, <https://www.british-history.ac.uk/no-series/acts-ordinances-interregnum/pp106-117>
13. 'Petition from Mary Robinson to a Parliamentary Committee that dealt with confiscated lands, July 1646', *The National Archives*, viewed 13 December 2024, <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/>
14. 'The Parliament of Women' 1646, *The National Archives*, viewed 13 December 2024, <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/>
15. 'The Resolution of the Women of London to the Parliament (1642)', *The National Archives*, viewed 13 December 2024, <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/>
16. 'To Sir Dudley Carleton (London, January 25, 1620)' 1939, *The Chamberlain letters: A selection of the letters of John Chamberlain concerning life in England from 1597 to 1626*, The American philosophical society publ, Philadelphia, pp. 285–287.
17. 'To the supreme authority of this Common-VVearth, the Parliament of England. The humble petition of several of the wives and children of such delinquents, whose estates are propounded to be sold, as the petitioners are informed' 1650, *Digital collection Early English Books Online*, viewed 21 July 2025, <https://name.umdl.umich.edu/A94696.0001.001>
18. Willen, D 1988, 'Women in the Public Sphere in Early Modern England: The Case of the Urban Working Poor', *The Sixteenth Century Journal*, vol. 19, no. 4, The University of Chicago Press publ, Chicago, pp. 559–575.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2025

Одобрена после рецензирования: 12.12.2025

Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 15.11.2025

Approved after reviewing: 12.12.2025

Accepted for publication: 12.12.2025